

Дружба на вырост

Лёнька Сгинь

СДВИГ

Рассказ

— А что с ней?

— Да вроде ничего такого, — Гоша отхлебнул из баклахи и поставил на пол. — Она мертвых видит, или вроде того. А так — нормальная девчонка. Я бы замутил, может, даже. Только...

— Только жестко послан! — Митяй выплеснул это, ослабив зубы с широкими прощелинами. Так он вечно выражал крайний восторг, сколько его помнил Влад. В такие моменты хотелось вдарить ему с ноги, чтобы повывлетали эти проклятые зубья. Только никто не решался. Из-за болезни.

— Жалко, Митяй, что у тебя язва эта дебильная, — Гоша взял пачку Winston с подоконника. — Так иногда хочется...

— Только не можется! — опять ослабились зубы, и Влад не выдержал, треснул подзатыльника. Волосы вздрогнули на вытянутой орехом кешью голове, худая шея вжалась в плечи.

Все замолчали.

— Хорош, Владик, знаешь же, — Миха процедил это в стену, лежа на подъездных ступеньках. — Что с тобой вообще? Из-за этой, что ли? Как ее... блин. Гош, как ее?

— Лукерья...

— Да ты гонишь, нет, — Миха повернулся ко всем, поднявшись на локте. — Как-то... ну, типа... Ефросинья?

— Дуня! — промычал Влад. — Заколебали вы... причем тут она?! Просто Митяй гонит... гонит! Понимаете?!

— Понятно, чего тут, — подтвердил Гоша. — Митяй гонит, а ты...

— А ты тормозишь! — Митяй вывалил оба ряда зубов и по-лошадиному заржал. Остальные молчали. Этот приступ смеха выглядел особенно болезненно, и Владу стало по-настоящему жалко парня.

— Ладно, прости, Мить. Наверно, надо мне побродить одному. В башке дурдом, — Влад соскочил с батареи, отряхивая джинсы. — И, кстати, она же не мертвых видит. Ты реально гонишь, Гош.

— А кого?

Лёнька Сгинь (Панков Леонид Валерьевич) родился в 1987 году в Долгопрудном Московской области. Печатался в журнале «Крещатик». Живет в Москве.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Хрен знает, — Влад пожал плечами. — Вроде будущее...

— А... ну, слушай. Иди, может, спроси тогда ее, — Гоша задымил и стал чесать свой широкий лоб шапкой, подбирая удачную шутейку, но махнул рукой. — Все, я бухой. Просто иди, раз не пьешь...

Влад кивнул и побрел вниз по лестнице. Через два пролета послышалось ржание сверху. А затем шум падения. Наверное, Митяй опять показывал, как умеет прыгать через перила. Чувствовалось, что дружеские посиделки оживились без одного лишнего. Без аппендикса, бросившего недавно пить из общей баклахи. Да и вообще. Пить.

На улице еще было светло, но мороз стоял дубовый. Влад помедлил пару минут, размышляя, не вернуться ли, не сбросить ли эти гребаные десять рублей, чтобы приложиться к общему горлышку. Оно, конечно, очень хотелось. И, может, вернулся бы. Но тут, как по заказу, прошла она. Дуня. И он решил последовать недосказанному совету друга. Двинул за ней.

Дуня шагала быстро, кивая головой, как птица. Чтобы ее догнать, пришлось ускорить шаг. От этого забрякали ключи в кармане куртки. Влад пытался придержать их, но девушка обернулась:

— Чего трезвонишь, Буратино? На поле чудес спешишь? — она скользнула по его фигуре взглядом, а затем отвернулась и ускорила еще. Теперь Влад созерцал Дунин профиль и то и дело опускал взгляд ниже по ее драповому пальто. Слова и без того не находились. А очертания девичьего тела, двигавшегося под пальто, вообще сбивали с толку. Да еще эти нелепые пятнистые угги. Они вконец разрушали мозг.

— Погоди-ка, — сообразил он. — Это ты меня так дураком назвала, что ли?

— Ух ты-ы-ы! — изумилась Дуня. — Начитанный-то какой. Может, и стихи знаешь?

Голова ее, с лицом распаренным и веселым, стала крутиться по сторонам, будто она искала, где бы поклевать хлебных крошек или просыпанное пшено. И если б не пухлые губы и не ямочки на щеках, и не этот нос, очерченный клювиком ласточки... В общем, если б он не был парнем, то от этого преследования отказался бы. «Точно, сдвинутая», — понял Влад. И побежал:

— Мой небосклон и чист, и ясен! И полон радужных картин, — теперь ему было жарко, и слова вырывались излишне громко. — Не потому, что мир прекрасен! А потому что...

— Ты один, — закончила девушка, и в глазах ее мелькнуло что-то прорицательское, грустное. Она двигалась широкими шагами наравне с бегущим Владом. Розовощекая, с выбившейся из-под шапки с помпоном прядью. Ее хотелось поймать и не дать улететь.

— Ты... такая... — Влад не решился сказать «красивая» и добавил о другом. — Там немного не так, в стихе.

— Зато стало похоже на жизнь. И ты вроде не кретин.

— Спасибо...

— Родителям скажи спасибо. О! Вот же! Эй, Косая! Я чуть не задубела тебя искать!

В конце дома стояли крохотная девушка и высокий кудрявый парень в очках. Она что-то сказала ему и, кивнув, пошла навстречу Дуне. Влад взгляделся. Эта девушка училась в техникуме, как и он. Только на девчачьем факультете бухгалтеров. Всегда ходила одна. Видимо, Дуня была ее подругой, но осталась учиться в школе. И по утрам ходила совсем в другую сторону.

У крохотной девушки были чуть косые глаза. Это особенно считывалось, когда

она смотрела в сторону. А она как раз косилась на Влада. Зато все остальное у нее было ангельским. И даже прозвище «Косая» не могло этого испортить. Влад чувствовал, что это уже перебор для одного дня. Втрескаться дважды. В джинсах становилось тесно. Почему-то от этого стало зябко.

— Приветты! — девушка кивнула дважды. — Дуняш, а твой упырь дома?

— До-о-ома, — отозвалась подруга в какой-то своей особенной манере, вроде бы на деревенский лад, но с певческой округлостью.

Услышав про домашнего упыря, Влад ссутулился и собрался свалить, но цепкая ладошка остановила его. Косая тут же отпрыгнула, когда он обернулся на ее прикосновение:

— Ого, как ты посмотрел! Прости, мне не стоило, — косые глаза зигзагами поползли в ноги.

— Ты гонишь, что ли? — гоготнул Влад и тут же осекся. Это дурацкое слово «гонишь», как какой-то паразит, вечно вылетало невпопад. И сейчас показалось особенно неуместным.

Помолчали. Потом Дуня гоготнула, очень похоже изобразив Влада, и обхватила подругу за талию. Крошечные ноги поднялись над заледенелым тротуаром.

— Сама мелкая, а сиськи на крепкую тройку, — неожиданно констатировала Дуня. Косая покраснела и, кажется, стала еще меньше:

— А ты же с Гошей-регбистом тусишь? — поинтересовалась она у Влада, возвращаясь на землю.

Влад неопределенно кивнул, и все трое двинули вдоль дома. Потом прошли через бывшее летное поле, ежась от ветряных укусов, и попали в старый город с мрачными трехэтажками. За все время девчонки перекинулись только парой слов. И поначалу Владу было неловко от их молчания. Он даже открыл рот, чтобы продекламировать еще какой-нибудь идиотский стишок, но вовремя хлебнул морозного воздуха и заткнулся.

Меньше всего ему хотелось знать, куда они идут. Хотелось просто идти рядом.

— Может, в подезде немного потусим? — предложила Дуня. — А то так оуклится недолго. У меня, кажется, уже борода растет от всего этого говна...

«Ты гонишь!» — едва не вылетел смешок у Влада, но тут с крыши сорвался ледяной осколок и шарахнул ему прямо по носу. Девушки увидели это и забеспокоились, поторопились внутрь старого дома. Влад, потирая нос, удивлялся такому удачному стечению обстоятельств. Казалось, само провидение помогает ему расстаться с девственностью в этот вечер. Волей-неволей юношеские мысли потекли именно в это русло.

В старом подезде пахло плесенью.

— Я Лукерья, кстати, — представилась Дуня, усаживаясь на подъездный подоконник.

— А я думал, Дуня... у тебя же еще прозвище такое... прости, может, ты не любишь его.

— Ага, Ведуня. Потому и Лукерья. Хрен с чем срифмуешь.

— А ты реально будущее видишь?

— Блин, такие вещи неприлично спрашивать! Ну да, разок получилось кое-чего. Сказала одному болтуну технарскому, что его матери надо сдать анализы срочно. Я их на улице встретила. Он особо не поверил, а через месяц подошел и сказал, что у мамы рак яичников, третья стадия. Но это и так понятно было. Без анализа. Просто внимательнее посмотреть ей в лицо.

Лукерью почему-то разозлил этот рассказ, хоть Влад особо и не просил рассказывать. Она замолкла, раздув ноздри. Влад, помолчав несколько секунд, сказал:

— Ясно. А я — Влад... Владислав.

Подруги переглянулись. Лукерья прыснула:

— Ты гонишь! Ладно... Славиком тебя буду называть. Ты прикольный вообще-то, — она стянула шапку и, поправляя свои русые волосы, оглядела его щуплую фигуру. — Куртка немного стремная, правда. Цвет какой-то непонятный.

Этот комментарий смутил Влада. Зимняя куртка у него была одна, и купленная всего-то в прошлом году. Денег на новую не было. Да и цвет нормальный: темно-фиолетовый. Он пожал плечами, скользнув взглядом по пятнистым Лукерьиным угги. Но промолчал. Глянул в сторону второй девушки. Та поймала его взгляд и скосила глаза в пол. Поправила светлые волосы.

— А как тебя зовут... красотка? — Влад попытался звучать как можно тверже, но запнулся на «красотке».

Подруги снова переглянулись.

— Косая это, — ответила Лукерья. — Не обзывайся больше.

— Что? Я...

— Ну, вот так! Мы девки простые. Доставка уже сигареты из своих лиловых карманов!

— Это фиолетовый... я не курю.

— Прие-е-ехали! Как это мы так из вашей компании самого праведника подцепили? Может, и не пьешь?!

— Почему же... можно, — теперь Влад опустил глаза и пошарил рукой в джинсах. Девушки молчали. В кармане зашелестела вчерашняя стипендия. Двести рублей. — Чего купить?

— Ну, ты вообще наглый, — вдруг решила Лукерья.

Влад ждал продолжения. Поднял глаза и увидел, что подруги улыбаются. И эти улыбки отчего-то показались ему знакомыми. Это были те самые улыбки, которые появляются перед постельной сценой в фильмах. Вот сейчас одна из них шагнет вперед, стирая дистанцию. Нет, не может быть. У Влада вспотели ладони, запульсировало в висках.

Девушки молча улыбались.

— Купи «Отвертку», — это сказала Косая, теперь смотревшая на него в упор совершенно ровным взглядом.

— И презервативы, — добавила смешливая подруга и прикрыла лицо ладонью. — Ой, по Фрейду! Стаканчики, я имела в виду!

Косая при этом стала серьезнее.

— Может, лучше вина? — уточнил Влад.

— Эх, Славик, гулять так гулять, — Лукерья резко соскочила с подоконника и задрала пальто. Вытащила откуда-то купюру. — Держи полтинник. Мы дамы не гордые. Только не «Молоко любимой женщины». Ненавижу.

Влад стоял в нерешительности. Девушка подняла его ладонь и вложила в нее деньги:

— Ступай, Владислав! Твои верные спутницы ждут тебя!

Тут засмеялись обе. Ошарашенный, Влад сбежал по ступенькам.

В старом городе он знал только один магазин, а вернее, ларек на автобусной остановке, где продавался алкоголь.

Было всего пять или шесть вечера, но уже стемнело. Влад шагал по хрусткому снегу. У ларька копошился народ. Несколько мужиков о чем-то спорили. Владу даже почудились знакомые голоса. Он поглубже надвинул капюшон и стал изучать скудный ассортимент вин. Варианта было всего четыре. И даже это казалось успехом в такое время и в таком месте.

На полке под самым ларечным потолком виднелось то самое, которое брать запретили: ультрамариновая бутылка с надписью «Liebfraumilch». Влад никогда не пробовал этого белого вина, но решил довериться Дуниному вкусу. Рядом стояла, обмотанная мешковиной, «Душа монаха», красное. «Душа» и «Молоко» пользовались популярностью на семейных застольях, и Влад отлично помнил их этикетки с самого детства. А «Душу» даже пробовал пару раз из бабушкиного бокала.

Еще в ларьке имелся портвейн «777», с которым Влад был знаком уже поближе. Вместе с этим напитком он и попал в круговерть технарских пьяных будней, из которой начал выбираться только недавно. «Три топора» были востребованы в их компании едва ли не наравне с баклахой 2,25 «Очаково». Из-за схожести в цене — в районе полтинника.

А рядом с портвейном стоял... успех. Невесть как сюда затесавшийся, весь в пыли и потертостях: «Чёрный доктор». Крымское сладкое.

— Здрасти, дайте, пожалуйста, бутылку «Чёрного доктора».

Продавщица, рывшаяся в этот момент где-то под прилавком, подняла глаза на клиента и открыла рот, будто бы уточнить: «Мальчик, ты с дубу рухнул? Может, тебе реального доктора вызвать?» Но, видимо, женское чутье что-то прочитало в облике влюбленного юноши. Вопрос остался невысказанным.

— Двести рублей! Деньги вперед! — тело продавщицы вытянулось струной, локти со стуком опустились на прилавок: она не двинется с места без заявленной суммы.

— Вот, — Влад выплеснул ладонь из кармана и положил две сотни рядом, словно сдал карты. Месячная стипендия. Четыре баклахи. Двенадцать «Топоров». Все на красное... в «черном». Беспроигрышный вариант.

Через минуту он шел с бутылкой «Доктора» за пазухой. Народ по-прежнему шумел. Кажется, завязывалась драка. Влад не мог разглядеть лица людей в бликах зимних фонарей. Да и слов разобрать не получалось. Все орали наперебой. Было ясно только, что стороны неравны. Двое парней помоложе стояли чуть вдали от остальных, потирая лица, иногда огрызались. Их противники двигались суматошно, делая ложные выпады, выкрикивали ругательства на непонятном языке.

В целом могло оказаться и так, что виноваты эти двое, которые потише. Но сама манера поведения сильной стороны, их бороды, повадки и какие-то непомерно огромные головы... все это заставило Влада сунуть ладонь под куртку и сжать горлышко бутылки. Он только начал понимать кое-какие слова из спора, когда один из «сильных» выдал крюк кулаком. Долговязый парнишка дернулся, но не успел увернуться. Смешно вздрогнула его голова, похожая на орех кешью.

Влад узнал Митяя. И двинул к толпе. На глаза незаметно накатывала красная пелена, скрежетали зубы. Все люди вокруг перестали существовать. Осталась только кучка дерущихся. Остановившись в шаге от них, Влад заметил еще двоих участников. В сугробе под фонарем лежало грузное тело Гоши. И чуть дальше в окне трехэтажки качалась занавеска: какая-то бабка стояла на подоконнике, высунув голову в форточку. Кричала невнятное.

— Не надо так, ребят! — зачем-то Влад выкрикнул эту фразу, перед тем как «Чёрный доктор» опустился на голову самому агрессивному бородачу. Голова оказалась в каске. Получившуюся розочку тут же выбил другой бородач и сунул Владу свинцовый

кулак. Они все были в касках с капюшонами поверх. Влад понял это сразу, как получил в ухо.

Мир поплыл. В невредимом ухе завизжала милицейская сирена. Влад крутнул головой, неуверенно шагнул вбок. Упал на одно колено и увидел пятнистые угги перед носом. В башке пронеслось: «Надо бы ей полтинник вернуть».

Но выключили свет.

— Славик, ты что, закурил?

— О, привет! Нет пока, с Митяем вот сидим.

Ребята сидели на лавке в больничном дворе. Дуня пришла их навестить:

— А-а-а, это ты, Митяй. Стрельни-ка в меня палочкой здоровья.

Митяй весь скукожился от такой просьбы, впился в фильтр и чуть не прикончил сигарету одним вдохом.

— Остынь, Мить, — Влад толкнул друга локтем. — У нее все по Фрейдю. Угости даму сижкой.

— А... вот, — Митяй отдал всю пачку PallMall. — Да я сразу понял, че вы?! Задумался просто... — Он провел ладонью по выгнутому черепу и снова повторил: — Че вы?!

Дуня и Влад переглянулись, сдержали смех.

— Менты приходили уже к вам? — поинтересовалась девушка.

— А то, — Влад кивнул. — Оказывается, это бригада рабочих из управы была. Все без регистрации. Кому теперь ремонт делать? Хотят нас припахать, отрабатывать привод.

— Ты гонишь! — Дуня затянулась и гоготнула, как Влад при их знакомстве. — У вас двоих сотрясения. Регбист ваш с поломанными ребрами, хоть и отказался сюда ложиться...

— Ого, я и не в курсе. Меня мать навещала — ничего не говорила про это, — Митяй кувыркнул бычок в урну. — А ты откуда знаешь?

— Так его Косая домой отвела. Она уже с утра позвонила и рассказала мне. Какие у него синяки на груди и губы все потрескавшиеся, царапаются... ой, ну ее на хрен! Затрахала! Ладно, сгоняю до уборной. Не разбредайтесь особо, — она вернула пачку сигарет и поспешила к больничному корпусу.

Парни и не собирались разбредаться. Смотрели Дуне вслед. На интенсивнодвигающийся низ драпового пальто.

— Затрахала? — осоловело повторил Влад самое запомнившееся слово.

— Это ж Косая, — Митяй досмотрел, как девушка поднимается на крыльцо, и закурил новую сигарету.

— Да я ее знаю. Она парням в глаза боится смотреть.

— Ну-ну... парням. Это ты про себя?

— Типа того...

— У меня с ней на первом курсе было.

— Чего?!

— Блин, ты, конечно, правильно сделал, что бросил бухать, Владик. А то отупел совсем. Я-то думал, ты умный парень. До сих пор не понимаешь, что у тебя за подруги?

— Давай без этой херни, Мить! Объясни толком!

— С ними никто не тусит, потому что они обе испорченные. Каждая по-своему. Косая трахается с кем попало. Только ботаники да алкаши не при делах. Не в обиду тебе! Поверь, лучше не суйся. По опыту знаю! А Дуню отчим дома долбит. Причем во всех смыслах. Блин... блин, — Митяя передернуло. — Я думал, ты все знаешь.

Ты, может, их последней надеждой был. Хрен только знает на что! А теперь я тебе все рассказал...

— Ты гонишь, — пробубнил Влад. — Я с ней сам поговорю.

— Дурак ты все-таки... меня хоть не пали, — Митяй швырнул бычок под ноги, поднялся и, перепрыгнув лавку, пошел прочь. Заскочил на крыльцо через перила. Влад следил за ним, надеялся, что долговязый прыгун столкнется с Дуней. Не свершилось.

Еще долго пришлось сидеть на мерзлой лавке одному. Дуня вернулась примерно через час, когда уже стемнело. Вся изменившаяся, со стертой губной помадой и комочками туши по краям глаз, одно веко подрагивает. Она села рядом:

— Прости, Славик. Закопалась...

— Ладно. Ты как?

— Да норма-а-ально! — она улыбочиво скосилась на Влада и вдруг впиалась дрожащим взглядом. Это длилось несколько секунд. Как будто поняла, что здесь, на лавке, про нее говорили.

— Ясно, рад, что ты зашла, Лукерья...

— Называй лучше «Дуня».

— Хорошо...

— А еще скажи Митяю, чтобы анализы сдал. В нем что-то не так. Может, язва или...

— Да! У него язва! Он даже лечится.

— Seriously? А курево с бухлом — это часть лечения?

— Вроде того...

— Ну... все мы помрем, конечно. Но ты ему передай, на всякий случай. Я ж Ведуня. Пусть проверится.

— Хорошо, Дуня! Береги себя!

— Ты про что?! — опять она уцепилась за него взглядом, сжала губы кривой чертой.

— Да я вообще...

— Слушай, Славик! Лучше не лезь ко мне в душу! Что он тут тебе наплел?

Она попала в самую точку. Должно быть, с ней это случалось уже не раз. И неудивительно. Люди вечно судачат о тех, кто не такой, как все.

Сидя на больничной лавке, Влад запоздало понял одну простую вещь: Дуня была не сдвинутой, не ведуньей, не изгоем, даже не жертвой. Впрочем, возможно, в ней и сочеталось все это и еще много чего. Но в первую очередь она была — *другой*.

«Она — другая», — именно это крутилось в юношеской башке. Он прочитал не так много книг в жизни и не знал, что эта фраза шаблонная и даже пошлая. Она — другая. Вот и все. Влад так и ответил:

— Ты другая. Вот что.

— Это Митяй так сказал?

— И он тоже, но другими словами. А вообще, это я говорю.

— Ну, даже не знаю, Славик... такая фраза. Как ее воспринимать? Я другая?! Ого! — девушка подняла руки и выпучила глаза. — Ну ладно, полетела-ка я к себе в галактику.

— Я не про это!

— Да понятно! Ты про другое. И другую. И куртка у тебя такая фиолетовая! Знаешь, это напоминает те фразы, что мне покойный батя по пьяни выдавал.

— Например?

— Бывало, звал меня на балкон. Там закуривал и, глядя вдаль, говорил что-то типа: «Не важно, кем ты уже стал — важнее то, кем ты становишься».

— Ясно... — Влад поерзал на лавке. — И кем ты стала... или, точнее, кем ты становилась?

— Хрен знает, мне было одиннадцать лет. Папа так и не объяснил. Умер от цирроза.

— А я своего бату вообще не знаю, — зачем-то ляпнул Влад и почесал лоб.

Они помолчали, наблюдая, как ветер гоняет бычки по сырому асфальту. В последние дни сильно потеплело. Намечалась весна. Владу захотелось обнять девушку. Он даже поднял руку, чтобы затем аккуратно положить ей на плечо. Но Дуня вдруг согнулась, схватилась за живот и принялась смеяться. Влад вернул ладонь себе на колено. Смотрел так несколько минут. Вся лавка содрогалась от хохота девушки, похожей на хрупкую птицу.

Потом она вскочила и убежала. Ни разу не обернувшись. «Улетела», — понял Влад. Он таки не смог ее удержать. От ветра слезились глаза.

Вскоре парни выписались из больницы. Близилась пора повинных работ.

Им не пришлось учиться отделять стены штукатуркой или выравнивать пол. Такую работу студентам никто не доверял. После технарских пар нужно было только таскать горы строительного мусора из точки в точку. Для этого достаточно иметь много здоровья, которого в молодости навалом.

Мал-помалу Влад снова втянулся в подъездные посиделки. Трудно было отказать старым друзьям, с которыми столько пережито. Конечно, драка с бородатými в касках еще долго висела на языках. В технаре Влада даже стали называть Чёрным Доктором или просто Чёрным, а их компанию четверкой мушкетеров. Тупое юношеское тщеславие не давало выпрыгнуть из алкогольной рутины. И Влад угробил еще полгода жизни. Может, он бы так и помер от алкоголизма лет в сорок, если б не почувствовал себя однажды самым тупым на свете. Иногда полезно стукнуться о дно, чтобы начать всплывать.

В тот вечер они сидели не в подъезде, а в квартире. Редкое явление. У Михи родители уехали куда-то на похороны. Он даже пригласил знакомую девушку. Все выпивали. Почти все курили, кроме регбиста Гоши, который заверял, что бросил Косую, а вместе с ней и курить, но при этом выпивал больше обычного. Влад тоже не курил. Эта дурная привычка была для него закрыта из-за отсутствия денег.

— Эй, зацените, народ! — девушку звали как-то сложно. Вроде Анжелики или Вероники. Она курила на балконе и решила вернуться в помещение через форточку. С фигурой одутловатой груши, она имела неплохую пластику и ладонью сумела дотянуться до оконной ручки. Затем уперлась в нее и просунулась всем телом через узкий квадрат. В конце пути она едва не свернула шею, поскользнувшись на подоконнике, но все пришли в восторг. Особенно Гоша:

— Это мне напомнило Булгакова, — внезапно выдал он то, чего никто от регбиста не ожидал. — Все же читали «Мастера и Маргариту»?

И все закивали в ответ на это. Даже парень, обнюхавшийся клеем, которого Влад видел впервые. Кивали все. Кроме Влада. Гоша не обратил внимания на замешательство друга и продолжил:

— Там момент был, когда к Берлиозу в кабинет лезли какие-то упырихи. И вот одна из них как раз что-то подобное сотворила. Там еще так это описано стремно. Про неестественно вывернутую руку, и все такое. Вообще, огонь книга!

— Это не к Берлиозу лезли! — вдруг поправил Митяй, еще глубже втапывая Влада. — Там другой какой-то мужик был. Берлиоза трамвай переехал в первой главе...

Гоша возразил что-то в ответ. Все остальные тоже вовлеклись в спор, зашумели. Тут Влад и понял, что пора что-то делать. Читать книги. Учить стихи. Заниматься спортом. Искать девушку.

Но первым делом: идти. И желательно вверх.

Остальные так усиленно спорили, что не заметили исчезновения Чёрного Доктора. А он все шел и шел. Вверх. По ступеням шестнадцатиэтажного подъезда. Ему просто хотелось подумать обо всем.

Пеший путь начинался с пятого этажа. Первые четыре он преодолел на лифте вместе с друзьями. С ними он пил и радовался тому, как легко катиться по жизни.

Тапки шаркали по ступеням. Под этот мерный звук хотелось считать. Все подряд.

Сколько это — пять из шестнадцати? Осталось пройти чуть больше двух третей. Намного больше половины. Если ехать на лифте, то преодолеешь путь значительно быстрее и почти не запомнишь. Но на своих двоих быстро вымотаешься, и не факт, что вообще дойдешь до конца. Странное сравнение возникло в семнадцатилетнем мозгу: жизнь — как многоэтажка. Подъем должен быть трудным. А проскочишь на лифте — и не заметишь, как жизнь закончилась.

Подобной философии Влад за собой не припоминал. Это и радовало, и пугало. Может, не такой уж он и тупой.

Тапки мерно шаркали. На некоторых пролетах пахло мочой и сырыми бычками.

В этом доме этажей всего шестнадцать. А сколько их в жизни? И чем они меряются? Годами? Поступками? Успехами и неудачами?

Говорят же, что даже неудача — это опыт. Ты поднимаешься на следующий этаж, даже если обгадил все на предыдущем. Чем больше неудач — тем сильнее пухнет дом от зловонной массы твоего бессилья. И вот ты старик, наполненный всем этим говном.

Что тебе остается?

Влад знал, как выйти на крышу в этом подъезде. И знал, что там будет думаться лучше всего. А еще ему внезапно захотелось покончить со всем этим. Портвейн или непрочитанный Булгаков — трудно сказать, что явилось главной причиной такого желания. Пожалуй, что в семнадцать лет причин может и не быть. Р-раз и всё. Видимо, человек еще маловато прожил, и ему не жалко потраченного на жизнь времени. «Наверстаю в другой. А здесь я никому не нужен. Мама думает только о деньгах, работе и о том, чтобы меня не отчислили. Но не обо мне! Друзья думают о девках и бухле, — Влад приближался к краю крыши мелкими шажками. — Я тупой. Даже разговор толком поддержать не могу. И уже все сказал. Всем. Кроме...»

Причина жить в семнадцать лет находится так же быстро, как и причина умереть.

Промочив тапки на заснеженной октябрьской крыше, Влад вспомнил, что так и не передал Митяю слова Дуни о том, что надо бы провериться. А потом еще подумал, что мама будет плакать: мертвый сын хуже, чем отчисленный. Все же в техникум можно сходить-похлопотать за сынулю, а у смерти не похлопочешь. И Влад бежал, радуясь, что нашлись причины жить. И что в жизни, наверное, как и в любой другой многоэтажке, тоже можно вернуться назад, чтобы все исправить. Чтобы предупредить друга о том, что...

На пятом этаже столпился народ. Среди них — двое в белых халатах. На топот Влада обернулся только пьяный Гоша:

— О! Жаль, что тебя не было. Митяй так круто прыгнул через перила. Только приземлился неудачно.

От неудачного приземления открылась язва и дала кровотечение в желудок. «Скорая» приехала через десять минут, и врачи сработали отлично. Только Митяй почему-то не выдержал. Кто-то из преподавателей техникума потом сказал, что это алкоголь сыграл с веселой четверкой такую злую шутку. И что частые посиделки до добра не доводят. Никто, разумеется, его не слушал.

Даже на похоронах все говорили, что это несчастный случай. Роковое стечение обстоятельств. Нет. Влад считал иначе. Винил себя. В голове все, наконец, становилось по местам. А еще крутилась эта странная фраза: «Не важно, кем ты уже стал — важнее то, кем ты становишься». Казалось, что точнее сказать невозможно. Балконная премудрость бывает чище технического спирта. Митяй-то уже стал. Покойником.

Когда гроб друга полностью засыпало землей, Влад огляделся. Новость о смерти долговязого парня собрала довольно много народу. Все толпились в узких проходах между кладбищенскими оградами. Внутри самого участка не поместилось и десяти человек. Пили финскую водку из пластиковых стаканчиков. Мать усопшего бесслезно сидела на лавке, качаясь взад-вперед. Вроде бы ей дали каких-то таблеток. Владу подумалось, что все совсем не так, как бывает в фильмах.

Вдалеке он увидел Дуню, то и дело поправлявшую прядь волос. Нужно было подойти. Сказать, что она опять оказалась права, что он не успел. Влад стал протискиваться меж людьми. Нужно припомнить, как она тогда смутила робкого Митяя, стрельнув сигарету. Узнать, как у нее дела, не обижает ли отчим? «Куда прешь, оболтус?! Человека хоронят!» Здесь были и бабки — Митяевы соседки по подъезду. К Дуне! Владу нужно было к Дуне. Он не видел ее полгода. Он еще все исправит! «Чёрный, скажешь за Митяя тост?» Скажет, обязательно скажет. Только дайте сначала поговорить:

— Привет, Лукерья!

— Вообще-то, Дуня... привет. Ну что, сам-то цел?

— Цел! А ты была права! Жаль, что я так и не передал твои слова Митяю...

— Я так и поняла! — Дуня прикрыла рот обеими руками, оставив Владу только глаза с размазанной тушью.

— Да, так странно. Я хотел сделать это в последний момент, но не успел.

Дуня промолчала, а Влад вспомнил еще кое-что:

— Знаешь, я, кажется, понял фразу твоего бати!

— Серьезно?! А что там?

— Фраза, которую он сказал тебе тогда на балконе. Помнишь?

— Серьезно?! А что там?! — она хохотнула сквозь перчатки, глаза ее забегали.

— Брось! Ты помнишь: «Не важно, кем ты уже стал — важнее то...»

— Серьезно?! — она перебила вконец надломленным голосом.

— Слышь, орел, отвали от нее! Не видишь, что ей херово совсем?! — позади Дуни все это время курил мужчина, теперь приблизившийся.

Отчим. Влад сразу понял, что это он. Глубокие залысины и близко посаженные глаза. На нем был камуфляж, толстая серебряная цепь и старые китайские кроссовки. «Вот как выглядят истинные подонки!» — пьяно рассудил Влад и приосанился:

— Она моя подруга. Я знаю, как ей помочь!

— Иди, давай! — отчим особо не церемонился, толкнул Влада в плечо. Тот завалился на ограду. Встрепенулся: не видят ли пацаны?! Нет, они разливали водку по стаканам.

Он поправил фиолетовую куртку, сжал худые кулаки до белых костяшек, попытался тверже упереться ногами в кладбищенскую грязь. Вот он и стал героем Булгакова: «темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся

лицом». И все же улыбка от этой мысли распорола мрачайшее, но пьяное лицо. Его распирали гордость, что проглотил целую книгу всего за три дня. Хотелось героически подражаться.

— Стой! — вмешалась Дуня, дрожа всем телом. — Славик, ты прав. И папа мой прав. Ты пока не стал, но я вижу — становишься. Так и надо! Становись им!

— Кем им?! — не понял Влад.

Но Дуня снова закрыла руками рот и, густо покраснев, стала смеяться. Отчим закатил глаза и пояснил по-своему:

— Мудаком! Становись им подольше. Глядишь и проживешь побольше. Все, девочка совсем сдает. В больницу повезу. Бывай! То есть, становись!

— Спасибо! — буркнул Влад вслед и, машинально оглядывая красивую фигуру девушки, вдруг понял, что Дуня опять улетает. Может, навсегда. А он остается здесь среди бесконечных рядов могил с табличками. Влад обернулся на друзей: кто-то махнул ему рукой. Показалось, что они тоже уже среди мертвых, и вон там даже мелькнула голова, похожая на орех кешью. Может, они все померли еще тогда, в драке с бородатыми касками? А теперь вот девушка пришла навестить их могилы.

Влад осмотрелся и решил догнать Дуню с отчимом:

— Стойте! А что за больница?!

— Психиатрическая, — хмуро отозвался мужчина. — У нее очередной кризис из-за того, что гребаное пророчество сбылось!

— Зачем вы так?! — пьяные ноги заплетались и скользили, Влад снова завалился на ограду и проорал излишне громко: — Может, это ее дар?!

Дуня вздрогнула, но не обернулась. Отчим же притормозил:

— Ага, хорош дар! Она каждому третьему советует анализы сдать. В месяц по сто пророчеств. И вот... одно в год выстреливает. Евдокию это сильно впечатляет, — он достал пачку «Пегаса», закурил. — В такие моменты ей кажется, что она видит мертвых, что говорит со смертью, и еще... что я избиваю ее... даже насилую! Слышал такое? Это Евдокия своим подружкам рассказывает. Про отчима-упыря!

Влад неопределенно кивнул. Все странным образом совпадало, но никак не хотело склеиваться в задурманенном водкой мозгу. Он остановился, чтобы подумать среди мертвых.

А Дуня так и улетела. Навсегда.

Через месяц Влада отчислили из техникума за систематические прогулы. И вскоре призвали в армию. Мама поплакала, но хлопотать за сына не стала. Решила, что в армии станет хоть кем-то.

Съезживаясь на плацу под крик командира: «Становись!», Влад часто вспоминал фразу Дуниного отца. И становился. Вероятно, становится и сейчас. Где-то далеко или близко. Или мной. Или тобой. Будучи уже не парнем, а мужчиной или даже дедом. Ведь как сказал один балконный философ: «Не важно, кем ты уже стал — важнее то, кем ты становишься».

Не каждый найдет смысл в этой фразе. Да и не нужно. Можно найти себе любую другую, вложить свой смысл.

И становиться.